

1976

ВОПРОСЫ

ЛИТЕРАТУРЫ

основан в 1957 году

Ежемесячный журнал

орган Союза писателей СССР и Института мировой литературы
имени А. М. Горького Академии наук СССР

ОЯБРЬ

ИЗВЕСТИЯ

МОСКВА

- * Беседы о ремесле
- * Интервью
- * Творческая история
- * Над страницей рукописи

В ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

— В интервью «Литературной газете» вы говорили об абсолютной духовной ценности подлинного литературоведения. Очевидно, можно принять за аксиому, что «высокое литературоведение» есть важная часть культуры, без которой трудно представить себе духовную жизнь цивилизованного народа.

Изучение древней русской литературы многие годы считалось областью особенной—изучением нечитаемой литературы. На взгляд человека неподготовленного, а таких, смею сказать, значительно больше, чем подготовленных, наука о первых семи веках отечественной литературы есть всего лишь «наука для науки».

Однако любому народу, сознающему ценность своей культуры, свойствен острый интерес к фундаменту этой культуры. Но интерес этот может определяться очень разными причинами.

Каков, по вашему мнению, основной смысл изучения древней русской литературы или, пожалуй, шире — культуры? Только ли помогает нам это изучение понять определенные

Д. ЛИХАЧЕВ

ОТКРЫТЬ ЧЕЛОВЕКА

Беседу вел Я. ГОРДИН

закономерности развития нашей литературы или же открывает самостоятельные ценности русской культуры первых ее столетий?

— Прежде всего мне хотелось бы подчеркнуть, что изучение древней русской литературы важно и даже необходимо не только для установления закономерностей истории литературы. Древняя русская литература обладает самостоятельными ценностями, и ее изучение необходимо в первую очередь для того, чтобы эти ценности стали явными и доступными. Это далеко не так просто. Вспомните: русские художники, русские архитекторы, писатели и просто культурные люди XIX века, ездившие за границу, чтобы приобщиться к эстетическим ценностям западноевропейского средневековья, десятилетиями не замечали у себя на родине те древнерусские памятники зодчества, живописи, прикладного искусства, которыми восхищаемся сейчас мы и которые кажутся сейчас такими «несомненными» в своей красоте. Мимо этой «своей красоты» проходили

Тургенев, Чехов, Толстой и многие другие. Чехов жил в Звенигороде, жил в Истре, — хоть бы раз он упомянул в своих письмах из этих мест о тех древнерусских памятниках зодчества, которые его окружали. Это не упрек — это констатация удивительного факта: художественные открытия приходят «в массовом порядке». Люди «вдруг» начинают видеть и понимать что-то такое, чего не видели и не понимали до них самые эстетически восприимчивые натуры.

Стало банальным говорить о том, что Левитан открыл русский пейзаж, русскую природу. Но ведь это действительно так. И было бы крайне интересно выяснить досконально: кто же открыл древнерусское зодчество. Достоевский восхищался красотой церкви Успения на Покровке, но ведь он никак не определил, в чем же эта красота состоит. Во второй половине XIX века целый ряд архитекторов пытались определить красоту древнерусской архитектуры, но не смогли: они вносили элементы старомосковских зданий в свои безвкусные строе-

ния. Я имею в виду Штакеншнейдера, Ропета, Парланда. Что поделаешь: хотели, но не смогли... Ибо «хотение» их было не то, совсем не то, которое требуется, чтобы сделать открытие. Они хотели угодить националистическим вкусам своих заказчиков. А заказчикам хотелось открыть в древней Руси то, чего в ней было очень мало: великодержавную помпезность. Не удивительно, что их попытки отталкивали, а не привлекали к древнерусской архитектуре таких эстетически тонких людей, как Тургенев, Чехов, Толстой и многие другие.

Открытие древнерусского зодчества принадлежит Игорю Грабарю, сделавшему великолепные фотографии в старой «Истории русского искусства». Фотографии эти были переворотом в фотографировании памятников зодчества. На памятники «взглянули» не с далеких и очень «официальных» точек съемки, которые были приняты в XIX веке, а с более коротких и, я бы сказал, «интимных» расстояний — с тех, с которых смотрит прохожий. Вот это-то и оказалось чрезвычайно важным. Именно этого требовала древнерусская архитектура.

Постараюсь объяснить, в чем тут дело. Древнерусская архитектура исключительно разнообразна. Это целый мир. За семь веков своего существования она выработала чрезвычай-

ное обилие форм. Вспомните: строения в Киеве XI века и XII век во Владимире Залеском, Новгород и Псков, Москву XVI и XVII веков и волжские храмы XVII века. А разве в каждом из этих, как теперь принято говорить, «регионов» не существует в свою очередь разнообразных подразделений? И все-таки во всем этом поразительном разнообразии можно найти и нечто общее. Это общее — отношение к окружающему пространству. Мне трудно найти подходящий образ, и я не совсем уверен в том, который сейчас хочу предложить, но с чего-то начать надо. Я бы сравнил древнерусские постройки с «подарками» окружающему их ландшафту. Украсить стресением высокий холм, крутой берег реки на изгибе, низкий берег лесного озера, повторить свой образ в зеркальной водной поверхности, возвыситься над рядовой застройкой или завершить уличную перспективу, — в этом, казалось бы, нет ничего необычного для любой национальной архитектуры. Однако делается это с какой-то легкостью и беззаботностью, «просто так». Словно бабушка дарит игрушку своему внуку: поярче раскрасила, позолотила маковки, внесла затейливость в узоры и поставила: смотри-любуйся. Приласкала горושку. Так выглядят некоторые церквушки XVII века, да и целые ансамбли —

взять хотя бы Ростовский кремль. Не случайно существовала такая народная игрушка: из чистеньких деревяшечек надо было собрать ансамбль Троицкого монастыря. На таких игрушках воспитывалось особое чувство архитектуры.

Возьмем противоположное, казалось бы, искусство: искусство псковских и новгородских зодчих. Многократно подчеркивалась монументальность этой архитектуры, церкви сравнивались даже с богатырями, подчеркивалась могучесть гражданской архитектуры Пскова и пр. А мне хочется опять-таки отметить удивительную интимность и «неофициальность» этих строений. Они словно вылеплены, их стены точно еще хранят тепло человеческих ладоней. Мягкие неровности их стен «обласканы» их строителями. А народное деревянное зодчество? Оно именно такое: «радующееся» красоте окружающего мира. Ведь дерево—это не только тот материал, из которого «построен» и окружающий пейзаж, но и материал, находящийся в «биологической совместимости» с человеческим телом. Оно не встретит человеческую руку враждебной холодностью...

Я прошу извинить меня за все эти импрессионистические экскурсии в область, которой ни я, ни журнал не занимаемся. Но это мне необходимо, «идя от известного к неизвестному»,

чтобы объяснить свое «интимное» отношение к древней русской литературе. Между человеком и произведением искусства всегда возникают особые, очень «человеческие» отношения. Человек всегда находится с предметом искусства «наедине», с глазу на глаз: будь то в темном театральном зале, или в зале музея, или на улице, или с книгой,—все равно где,—в вагоне метро, за письменным столом или на камушке в лесу. Что же испытывает читатель, когда он читает древнерусскую летопись, повестушку, историческую повесть древней Руси? Если, конечно, он читает их с пониманием... Не то же ли «укорочение расстояний»?

— Когда же возник интерес к древней русской литературе?

— Прежде всего я хочу указать на то, что древняя русская письменность изучалась всегда. Еще Петр приказывал собирать летописи. Интерес к памятникам письменности существовал (и не малый) в течение всего XVIII века. Но этот интерес был прежде всего интересом к ним как к памятникам книжности или как к историческим источникам. Открыло древнерусскую литературу только «Слово о полку Игореве», и то не сразу. Прошло много времени, прежде чем красота «Слова» была раскрыта во всей своей многогранности. Не скоро, например, заметили фольклорность «Слова», еще больше

времени потребовалось, чтобы понять его идейное значение. Но факт остается фактом: заметили, что «Слово» не только произведение древнерусской письменности, но и поэзии, а после обнаружили, что Древняя Русь имела не только книжность, но и литературу. Первостепенная заслуга в этом открытии принадлежит Ф. И. Буслаеву. И все же Буслаев только приоткрыл дверь. Мы не замечаем многие ценности, которые в древней литературе еще скрыты от широкого читателя. В ней ищут то, к чему мы привыкли по литературе нового времени, личного творчества... А древняя русская литература еще хранит в себе фольклорное начало: безличностное, но очень человеческое. И это последнее кажется мне наиболее ценным.

— Коль скоро литературоведение призвано заниматься не только анализом конкретных произведений и творчеством отдельных писателей, но и основными проблемами духовной жизни страны, то ему не обойти такой кардинальной для России проблемы, как проблема преемственности, последовательного развития культуры. Возможна ли в пределах истории одного народа, одной страны культура, разорванная надвое? Существует устойчивое мнение, что между допетровским периодом русской культуры и периодом послепетров-

ским нет почти ничего общего. Но возможно ли подобное явление? Эта проблема имеет огромное принципиальное значение для познания духовного развития России.

— Из всего сказанного ясно: я считаю, что перерыва не было. Не было, конечно, — но «как не было»? Ведь в этот перерыв верили два с половиной столетия — начиная непосредственно с Петра. Именно Петр стремился к тому, чтобы не только создать перерыв, но и утвердить в представлениях современников сознание совершающегося переворота. Петр не только стремился к преобразованиям всей русской жизни, но и совершал смену всей «знаксовой системы». Создание нового русского знамени (перевернутый голландский флаг), перенос столицы и демонстративное наименование ее голландским названием — Санкт-Петербург, новая форма войска, насильственное изменение одежды высшего класса, внесение в язык иностранной терминологии для всей системы государственной и социальной жизни, смена обычаев, смена характера увеселений и т. д. и т. д. Перемены все облекались в демонстративные формы. Разрыв совершался в области зодчества, живописи — во всей эстетической сфере. Петр сам первый создавал свой образ царя-труженика, царя-плотника, царя-бомбардира вместо преж-

него малоподвижного и очень парадного облика московского самодержца. Однако многие из идей Петра зрели еще в царских хоромаш Алексея Михайловича. Петр был типичным представителем барокко XVII века. Его облик просветителя был выношен в стихах приговорного поэта Симеона Полоцкого. Он преобразовывал то, что в силу внутренних закономерностей всего длительного предшествующего развития уже нуждалось в преобразованиях. Его преобразования были теми грозными разрядами, электрическая энергия которых копилась до этого в течение длительного времени. В иных случаях государственный корабль, управляемый Петром, шел галсами под косым углом к ветру истории, но он все же набирал силу от этого ветра — и никакого иного.

Русская литература смогла стать на один путь развития с литературами Западной Европы именно потому, что этот путь открылся перед ней благодаря предшествующим изменениям, и прежде всего благодаря росту в литературе личностного начала.

Итак, никакого разрыва не было, но была эпоха преобразований, большинство которых было закономерно подготовлено всем предшествующим развитием.

— Я позволю себе напомнить один факт. В своей книге «О

психологической прозе», написанной исключительно на материале литературы нового времени, Л. Гинзбург ссылается на ваше исследование мировосприятия человека древней русской культуры. Автор книги видит здесь непосредственную связь. То обстоятельство, что такой тонкий литератор, изучающий новую литературу как средоточие общественных и психологических процессов, апеллирует при этом к анализу древней русской культуры, кажется мне весьма симптоматичным.

Безусловно, в литературе существует сквозная психологическая, нравственная традиция. Но на какой основе следует ее изучать прежде всего?

— В литературе необходимо находить прежде всего человека с добрыми человеческими качествами. Меня бесконечно волнует каждая черта, в которой можно найти отражение человеческих стремлений, удач и неудач, страданий, горестей, радостей, забот. А в человеке меня больше всего волнуют проявления заботы о других, доброты, стремления к улучшению жизни других, и прежде всего своих близких, проявления преданности — преданности людям и преданности идее. Когда мне удастся открыть такие, казалось бы, маленькие черточки, но и такие гигантские черты в произведении, — они меня радуют больше всего.

В «Повести о Горе-Злочастии» есть поразительное сознание ценности человеческой личности самой по себе, личности, достигшей крайних пределов падения. Это достойный предшественник произведений Гоголя и Достоевского. В произведениях Аввакума меня трогает не только его самозабвенная борьба, но и мягкий юмор, которым, в частности, он смягчает и «возвышает» свое отношение к своим врагам и мучителям. В «Истории о Казанском царстве» поражает уважение к врагам русского войска и даже восхищение мужеством татар. Трогателен и образ татарской царицы Сююмбеки.

Много ли в мировой литературе произведений, авторы которых могли бы подняться до такой моральной высоты? Когда внимательно вчитываешься в письмо Владимира Мономаха к своему постоянному противнику Олегу Святославичу (Олегу Гориславичу — «Слова о полку Игореве»), испытываешь тоже чувство почти что удивления. Мономах прощает убийцу своего сына Изяслава — прощает уже после того, как он его победил. Просит его вернуться на Русь и занять по праву наследования принадлежащий ему удел. И одновременно он просит вернуть ему молодую вдову Изяслава: «потому что нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и свадьбу их, вместо песен: ибо

не видел я их первой радости, ни венчания их, по грехам моим. Так, ради бога, отпусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплавав с нею, я поселил ее у себя, и она села бы, как горлица, на сухом дереве, горюя...». Такие места, раз открытые, не забываются. Но дело, конечно, не только в больших человеческих чувствах. Трогают и самые мелкие проявления человеческой озабоченности. Вот новгородский летописец в XII веке описывает долго стоящую дождливую погоду и добавляет: «и сена не уделаша». Скотинку нечем будет кормить зимой!

— Какую литературоведческую задачу вы считаете наиболее актуальной — в плане приближения древней литературы к сегодняшнему читателю?

— Подобно тому, как «История русского искусства» Игоря Грабаря сумела найти короткие расстояния, чтобы сделать доступными эстетические ценности древнерусского зодчества, надо найти эти короткие расстояния и для древней русской литературы. Многие уже сделано И. П. Ереминым в его замечательной книге «Литература древней Руси» и В. П. Адриановой-Перетц — особенно в ее работах, касающихся демократической сатиры XVII века.

В литературе крайне важно близкое «знакомство» с человеком — творцом произведения.

Огромное значение в изучении древней русской литературы принадлежит текстологии: изучению истории текста произведений. Но и в этих исследованиях целью является — добраться до человека, найти его. Текстолога интересует прежде всего личность автора, его вкусы, его интересы, его идейная жизнь, объясняющая движение текста. Но когда авторский текст закончен и поступил переписчикам и читателям, текст продолжает в древней литературе жить: появляются изменения текста, новые его редакции, а иногда и новые произведения на основе старого текста. И в этих случаях главное в человеке — в редакторе, переписчиках, в новых «соавторах». Необходимо представить себе, какие они были, найти особенности их личности, отразившиеся в их работе. Это не всегда просто сделать, но зато как важно, когда это удастся.

Открывать в литературе человека — это одна из самых больших радостей, когда остаешься с литературным произведением один на один. Я говорю, конечно, только о своем глубоко личном отношении к древней русской литературе, как выше говорил о своем личном отношении к памятникам древнерусского зодчества. Но изучать литературу нужно значительно шире. Это нужно еще и потому, что открывать в древней русской литературе

нужно не только ценности, но и закономерности. Это последнее я пытался делать в своей книге «Развитие русской литературы X—XVII веков». Самое существенное для открытия этих закономерностей — выходить за пределы одного памятника или одного писателя, проследивать то или иное явление на протяжении нескольких веков. С этой точки зрения древняя русская литература, «длющаяся» более семи веков, имеет исключительную ценность. Благодаря древней русской литературе начинаешь понимать, что многое, кажущееся чем-то само собой разумеющимся, извечным, присущим литературе как таковой, на самом деле имеет историческое происхождение и историческое развитие.

Самое простое наблюдение. Поэтика литературы нового времени вся построена на изобретении нового: нового взгляда, нового приема, нового, необычного отношения к старым темам. Литература древняя — канонична, этикетна. В основном (но не только) — это «церемониальное обряжение» мира, изображение событий в традиционных формах. И в этом есть своя очень яркая красота.

Переход от литературы древней к литературе нового времени совершается на протяжении многих веков. Особенно интенсивны эти изменения самых принципов литературы в XVII веке. Но чтобы ясно уло-

вить их, следует рассматривать отдельные линии развития литературы, отдельные направления литературного творчества, изменения тем, идей, системы образов и пр. Для выявления изменений необходимо изучение тех или иных явлений в перспективе нескольких веков по крайней мере. Это, конечно, потребует от исследователя огромной эрудиции, начитанности и большой наблюдательности.

— Сегодняшнему читателю, ориентированному главным образом на русскую классику XIX века как на некий эталон, было бы крайне важно убедиться, что существуют явные связи между литературами классической и древней.

Возможно ли исследовать прямые связи древней русской литературы с творчеством крупнейших наших писателей? Например, Пушкина, Достоевского, Гоголя, Толстого? О Достоевском вы говорите в работе «Смех как «мировоззрение», анализируя проблему «двойничества» в «смеховом мире» древней Руси. О Гоголе и Достоевском вы говорили только что в связи с гуманистическим началом в древней литературе. Но существуют, вероятно, и другие возможности? Скажем, Достоевский и проблема эмансипации личности в литературе XVII века — «Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне». Или — Толстой и

житийная литература, проблема греха и искупления. Хочу оговориться, что тут интересны не частности, но моменты принципиальные.

— Здесь мне снова необходимо напомнить о том, что смысл всего развития русской литературы X—XVII веков вовсе не состоит только в том, что древняя русская литература сделала возможным расцвет русской литературы XIX—XX веков. Она создала не менее высокие непреходящие ценности, чем те, какие создало древнее русское зодчество, древняя русская живопись и древняя русская музыка, открытие которой медленно, но начинает все же сейчас совершаться.

И это следует внимательно учитывать, ибо преемственность с древней русской литературой у литературы новой не только в единстве процесса, но и в единстве накопленного.

Поясню свою мысль. Если мы захотим выяснить значение древней русской литературы для творчества Лескова или Льва Толстого, то мы должны обратить внимание на два ряда различных явлений. С одной стороны, имеются подспудные токи, идущие из глубины веков. И Толстой, и Лесков пользуются литературным языком, богатства которого создавались тысячелетием. В этом литературном языке имеется не вчера родившаяся образная система,

определенные приемы выражения мыслей, замечательная диалогическая система и пр. Бескомпромиссная идейная система Толстого также «наследственна» в русской литературе, как и многое другое. Ее учительный характер восходит к самым первым векам древней русской литературы, ибо она всегда стремилась к улучшению общественной и государственной жизни. Одним словом, многие достоинства русской литературы XIX века, в недрах которой только и может быть воспринято творчество Толстого и Лескова, ведут свое начало из древней русской литературы.

Но, с другой стороны, есть и иная связь с древней русской литературой, которая ярко представлена в творчестве многих писателей: это легко показать на творчестве Державина, Пушкина, Достоевского, Толстого и того же Лескова,— это непосредственное влияние произведений древней русской литературы. Эта зависимость определяется не процессом развития русской литературы, а самими древнерусскими произведениями. Это влияние гораздо шире и значительнее, чем обычно представляется, и изучать его крайне важно, так как и то и другое определяет собой национальное своеобразие русской литературы нового времени.

На писателей XIX и XX веков неравномерно воздейство-

вали различные жанры древней русской литературы. Воздействовали жития святых — жанр, в котором официальная церковная точка зрения чаще всего подвергалась народной корректировке. Воздействовали апокрифы и даже хождения в «святые земли». Меньше, может быть, отмечено художественное воздействие летописей (они чаще всего использовались как источник для тех или иных сюжетов).

Кроме этих двух путей, которыми древняя русская литература так или иначе сказывалась в литературе новой, были и другие. Древняя русская литература, например, слабой струей продолжала жить в новое время. Она только ушла в леса — к старообрядцам — или спустилась в крестьянскую массу. По образцу старых здесь создавались и новые произведения. Некоторые из таких произведений даже печатались. Так, было напечатано в двух томах и выдержало два издания «Сказание о странствии и путешествии... инока Парфения». Сочинение это было одним из любимейших у Достоевского, и он взял отсюда, как известно, ряд мотивов, образов, типов и даже сцен.

Это третий путь воздействия древней русской литературы на новую, правда, не такой уж значительный, как первые два.

— В плане всего вышесказанного — каковы задачи, которые

вы ставите сейчас перед собой?

— Я хотел бы подчеркнуть: мои личные планы — только часть планов Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР. Я не выделяю и не отделяю себя от других сотрудников коллектива, к которому принадлежу. Поэтому прежде всего о планах Сектора древнерусской литературы. Мы предприняли в издательстве «Художественная литература» восьмитомное издание «Памятники литературы Древней Руси». Каждый том будет иметь примерно тридцать листов. Издание будет богато иллюстрировано. Каждый памятник должен даваться и в древнерусском тексте, и в переводе на современный русский язык. Исключение будет сделано только для некоторых произведений XVII века, которые не требуют перевода. К ним мы сделаем лишь подстрочные примечания, в которых разъясним смысл трудных слов и выражений. Мы все, сотрудники сектора, очень увлечены этим изданием.

Сделать доступными древнерусские произведения для широкого читателя — это задача,

я бы сказал, патристическая. Мне лично в этом издании предстоит написать восемь вступительных статей к каждому тому. Мне бы хотелось сделать это, не повторяя своих прежних работ. Древнерусская литература настолько богата и многогранна, что всегда должен найтись какой-то новый аспект в характеристике ее памятников и отдельных периодов литературного развития.

Вторая задача нашего Сектора древнерусской литературы — создать учебное пособие по текстологии древнерусских литературных памятников. Пособие будет включать теорию текстологии и задачник. Последний можно сделать так, что он будет увлекать изучающих этот предмет не менее, чем хороший детектив. Параллельно с этим учебником я хочу написать небольшую книгу «Спорные вопросы текстологии».

На очереди и другие работы, но мне не хотелось бы пересказывать и раскрывать все планы работ нашего сектора. Скажу только одно: работ, которые следует выполнить, много, очень много.

г. Ленинград

